

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Основатель А. А. Иозефовичъ.

Среда, 2 (15) Юля 1914 года.

Авторъ „Дома съ мезониномъ“.

Принято думать, что у каждого крупнаго писателя имѣется непременно одно произведеніе, необычайно для него характерное, заслоняющее все остальное имъ написанное. Такъ кажется, что апитеть авторъ «Дворянскаго гнѣзда» покрываетъ всего Тургенева. Этотъ распространенный пріемъ, своеобразное *tags pro toto*, конечно, страдает односторонностью: въ рамки «Дворянскаго гнѣзда», разумѣется, не вдвинешь «Записокъ охотника» и хотя бы «Новя». Но иногда очень удобно такое обозначеніе. Иногда кажется, что попадаешь удачно на такое произведеніе, которое, дѣйствительно, можетъ явиться идейнымъ обобщеніемъ, микровосмомъ всего творчества даннаго писателя. Мало того: кажется, что такое произведеніе разрѣшаетъ досадныя сомнѣнія, связываемыя обычно съ именемъ писателя, погашаетъ минусы его творчества, снижаетъ съ его страницъ недоумѣнные вопросы читателя. Превжняя вакофонія идей, чехарда мыслей, путаница противорѣчій, узловатая цѣпь *larsus'овъ* и обидныхъ заблужденій — гармонически разрѣшается въ стройную и красивую симфонію.

И если этимъ соображеніемъ хотя немного оправдывается примѣненіе выше-описаннаго пріема, то — да будетъ разрѣшено здѣсь назвать Чехова авторомъ «Дома съ мезониномъ». Если вы перечитаете эту, въ общемъ малопопулярную, миниатюру, вы навѣрное признаете ее однимъ изъ задушевнѣйшихъ произведеній Чехова. На этихъ страницахъ, дѣйствительно, высказалась душа Чехова — нѣжная, съ глубокимъ эстетическимъ воспріятіемъ, съ высокой вѣрой въ человека, съ задумчивымъ идеалистическимъ взглядомъ, смотрящимъ поверхъ, черезъ головы людей, дѣлающихъ сутолоку жизни. Вообще говоря, Чеховъ — объективный писатель, прячущій свою авторскую боль въ невидимыхъ складкахъ реального разсказа. «Домъ съ мезониномъ» — едва ли не самое субъективное произведеніе Чехова, хотя авторъ и заслонился здѣсь фигурой новѣствующаго «художника». Читатель вложитъ слова этого «художника» въ уста Чехова, а чувствованія въ его душу, — и едва ли ошибется. Настольно гармонируетъ идейный смыслъ этого разсказа съ общимъ мышленіемъ Чехова. Больше того: разсѣянные по разнымъ мѣстамъ парадоксальныя отрицанія и безпочвенныя, на первый взглядъ, упованія Чехова замыкаются здѣсь въ сплошной кругъ. Въ этомъ крохотномъ втудикѣ, представляющемъ перлъ художественной работы, быть можетъ, заключено и верно «философской системы» до сихъ поръ еще не совсѣмъ понятаго писателя.

Жаль, если вы не помните этого чудеснѣйшаго разсказа. Правильный художникъ-пейзажистъ знакомится съ интереснымъ семействомъ, живущимъ въ «домѣ съ мезониномъ». Мать и двѣ сестры. Старшая — (Лида) — энергичная, дѣльная, идей-

ная барышня. Возится съ хозяйствомъ, интересуется до увлеченія земскою дѣятельностью, занимается широкой благотворительностью, лечитъ и учитъ крестьянъ. Младшая—Женя или, какъ ее чаще называютъ, Мисюсъ, прелестная, романтичная, нѣжная, ласковая, робкая дѣвушка. Художникъ быстро влюбляется въ Мисюсъ. Но Лидя, строгости которой подчинены безапелляционно мать и сестра, не можетъ допустить, чтобы Мисюсъ связала свою судьбу съ праздымъ диллетантомъ, общественные взгляды котораго глубоко несимпатичны ей, дѣлающей все уверенно и безъ колебаній Лидѣ. И убиваетъ Мисюсъ повинуясь сестрѣ, которая всегда знаетъ, «что надо»... Уже въ самой концессіи разсказа чувствуется нѣчто специфически чеховское. Мало у Чехова счастливыхъ концовъ, и разлука у него чаще, чѣмъ встрѣча. Но разлука не убиваетъ у Чехова надежду; чаще,—еще рождается. И художнику начинаетъ казаться, что о немъ вспоминаютъ такъ же, какъ онъ о Мисюсъ, что его ждутъ, и что они встрѣтятся. «Мисюсъ, гдѣ ты?»

Если этотъ меланхолическій аккордъ хорошо передаетъ типичную гармонію чеховскаго настроенія, то въ спорѣ художника съ Лидой отчетливо выявляется тотъ уклонъ чеховской идеологіи, который представляется неяснымъ многимъ толкователямъ писателя. Каково было въ концѣ концовъ отношеніе Чехова къ культурной работѣ, на какой сторонѣ горизонта помещался его общественные идеалы? Одно время («Ивановъ») онъ какъ будто склонился къ давно дискредитированной «теоріи малыхъ дѣлъ», самъ, подобно Толстому, приходилъ на помощь при общественныхъ бѣдствіяхъ, строилъ школы, заботился о народномъ здравіи.

Здѣсь же, въ «Домѣ съ мезониномъ», художникъ выступаетъ убѣжденнымъ отрицателемъ земской работы. Но аргументація его ярка и оригинальна, хотя и отзывается толстовствомъ.

— По моему, медичинскіе пункты, школы и библіотеки, аптеки, при существующихъ условіяхъ, служатъ только поработанію. Народъ опутанъ цѣпью великой, и вы не рубите этой цѣпи, а лишь прибавляете новыя звенья... Не то важно, что Анна умерла отъ родовъ, а то, что всѣ эти Анны, Мавры, Целагенъ съ раннего утра до потмоковъ гнутъ спины, болѣютъ отъ непосильнаго труда, всю жизнь продавать за голодные и больные дѣтей, всю жизнь бояться смерти и болѣзней... Весь ужасъ нѣхъ положенія въ томъ, что нѣхъ некогда о душѣ подумать, некогда вспомнить о своемъ образѣ и подобіи; голодъ, голодъ, животный страхъ, масса труда, точно снѣговые обвалы, загородили нѣхъ всѣ пути къ духовной дѣятельности, именно къ тому самому, что отличаетъ человѣка отъ животнаго и составляетъ единственное, ради чего стоитъ жить. Вы приходите къ нѣхъ на помощь съ бумажками и школами, но этимъ не освободите нѣхъ отъ пути, а, напротивъ, еще больше поработаете, такъ какъ, внося въ нѣхъ жизнь новыя прожорасудки, вы увеличиваете число нѣхъ потребностей, и тогда уже о томъ, что за мушкетеры и вѣжливки они должны платить земству и, значитъ, слѣдуетъ гнуть спину... Нужно освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда. Нужно облегчить нѣхъ ярмо, дать имъ передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, торчать и на полѣ, но имѣли бы также время подумать о душѣ, о Богѣ, могли бы пошире прожить свои духовныя опособности. Прозваніе всякаго человѣка въ духовной дѣятельности—въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни. Слѣдуетъ же далѣе нѣхъ непосильнымъ грубымъ, животнымъ трудомъ, дайте нѣхъ почувствовать себя на свободѣ, и тогда увидите, какая въ сущности насмѣшка эти винтики и аптечки. Разъ человѣкъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворить его могутъ только религія, наука, искусство, а не эти пустяки.

Пусть говорятъ что угодно почтенные апостолы постепеннаго прогресса, но въ тирадѣ художника я вижу только любовь къ человѣку, а не аристократическую проповѣдь отрицанія и разрушенія. То, что заключено въ этой рѣчи, думается, всегда сопутствовало мысли Чехова и всегда ее облагораживало. Правда, иногда писатель спускался до «оптимистическаго пантеизма», по терминологіи Волжскаго, до смиреннаго принятія дѣйствительности цѣликомъ: наши, молъ, страданія унавожатъ (выраженіе Ивана Карамазова), рай грядущимъ поколѣніямъ. Эта теорія, какъ показала Ивановъ-Разумникъ, глубоко антииндивидуалистична. Она самоцѣльную человѣческую личность рассматриваетъ какъ средство. Чеховъ довольно быстро вылезалъ отъ этой теоріи. Въ «Дуэли», въ «Разсказѣ незнакомцаго человѣка», въ «Крыжовникѣ» слышны противъ нея громкіе протесты. «Я вѣрю,—говоритъ «незнакомый человѣкъ»,—слѣдующимъ поколѣніямъ будетъ легче и виднѣе; къ нѣхъ услугамъ будетъ нашъ опытъ. Но, вѣдь, хочется жить независимо отъ будущихъ поколѣній и не только для нѣхъ. Жизнь дается одинъ разъ, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво... Я вѣрю и въ цѣлесообразность и въ необходимость того, что происходитъ вокругъ, но какое мнѣ дѣло до этой необходимости, зачѣмъ пропадать моему я?».

Мнѣ кажется, что эти благородные протесты суть выводъ изъ того яркаго индивидуализма, который провозглашаетъ художникъ. Личность человѣческая высшая—личность всякаго человѣка; поэтому и самый послѣдній мужикъ долженъ быть поднятъ до высоты свободнаго удовлетворенія своей духовной жажды. Ибо человѣку, какъ мы знаемъ изъ «Крыжов-

ника», нужны не три ариина, а верной шаръ, чтобы обвинить его своим сествомъ. Человѣкъ—наивысшая бость. «Человѣкъ, говоритъ художникъ, долженъ сознавать себя выше львовъ, звѣздъ, выше всего въ природѣ, выше того, что непонятно и чудеснымъ; иначе онъ не человѣкъ, а мышъ, которая всего боится».

Эти слова въ чеховскомъ символъ составляютъ формулу перваго члена, почему, думается мнѣ, я ее совсѣмъ правъ, когда на вопросъ: какое глѣниіе Чехова вы считаете наиболѣе цѣннымъ?—я отвѣчаю: «Домъ съ мезониномъ». Онъ столько же характеренъ для міросозерцанія, сколько и для жественной манеры Чехова. Даже жающее мѣщанство и доктринерство) — два главные врага Чехова. нули, здѣсь въ мягкомъ ароматѣ рѣзонъ повѣствованія полонъ благородства—такъ именно относится Чеховъ къ жизни. Въ смыслѣ художническаго выполненія, сжатости, экспрессивности «Домъ съ мезониномъ» положительный шедевръ. И заключенъ онъ въ безупречную рамку той особенной чеховской красоты, которая заражаетъ читателя, которая невольно заставляетъ его думать и говорить о Чеховѣ—непрерывно

И. Мурскіи